Том 1. Зеленая трава на берегу, пышные ивы в саду*

Глава 1. Удачи в начинании вашему делу, путешествие во времени без сопровождения служанки, умозаключение

*□□□□□□□□□□ - первая строчка в поэтическом стихотворении, написанном во время династии Хань и включенном в сборник «Девятнадцать древних стихотворений», отобранных Сяо Туном (501-531 гг), литератором и наследным принцем династии Лян во время Южных и Северных династий.

Одноэтажное здание прямоугольной формы было построено из необожжённого кирпича и делилось на три одинаковые части: центральная – длительное время совмещала в себе главный зал и столовую; с двух сторон примыкали жилые комнаты, Юй Цайлин проживала в восточных покоях. Ее комната была очень простая: стены, беленые желтым илом, аккуратно отшлифованные и гладкие; на полу была возведена больших размеров квадратная печь классического вида, вероятно, сделанная из гончарной глины, но обогревала она вполне годно. А дальше, несмотря на то, что Юй Цайлин всегда сохраняла самообладание, ещё бы совсем немного, и она потеряла бы сознание от страха.

В комнате не имелось ни табурета, ни стульев, даже были кровати без каркаса, внутри дома был только деревянный пол и на нем площадка в виде ступеньки из лакированного дерева, занимающая одну треть от общей площади. Поверх нее в один слой были разостланы постельные принадлежности, сбоку несколько маленьких круглых хлопковых подушек выполняли функцию сидений, ещё один маленький квадратный столик служил местом для принятия пищи. Юй Цайлин смотрела несколько старых фильмов Акиры Куросавы* и заметила, что обстановка в доме была весьма похожа на то, как создатели этих фильмов изображали бедное помещение в японском стиле в древности.

* Аки́ра Куро́сава (1910 г - 1998 г) – японский кинорежиссёр, сценарист и продюсер. Считается одним из самых влиятельных кинорежиссёров за всю историю кино.

Когда она очнулась более десяти дней назад, помимо раскалывающейся от боли головы, первое, что ее напугало, было предположение, что она опять потеряет сознание и сможет снова умереть. На самом деле ее родиной был маленький поселок, окруженный горными перевалами, в той тысяча восьмисот километровой линии на правом берегу реки Янцзы, территории с различным произношением очень отличающихся диалектов, и где в бесчисленных трудностях встретились местным два заморских черта*, испытывавшие все тяготы пути. Уже потом, вернувшийся домой мужчина, живший и работавший в большом городе, рассказал, что он знает, что те, кто так одевается, – это заморские дьяволы*. Старый деревенский староста, сильно негодуя, приказал селянам, что если они впоследствии ещё раз столкнутся с подобными пришельцами, то преподнося в подарок хикаму, сладкий картофель и сушёный редис, пусть непременно кладут в них крысиную отраву. Досадно, но иностранный дьявол не появился, и крысиная отравка стала бесполезна.

*□□ guǐzi – чёрт, заморский черт, дьявол. Согласно некоторым исследованиям, термин «guǐzi» был придуман китайцами, и обычно относился к японцам или к японским солдатам в период

агрессии против Китая, либо к иностранцам.

Только после создания государства правительство стало разрабатывать горные богатства. Были разделены долины, строились дороги, мосты, бурились широкие туннели.

- Княжне следует выпить лекарство, - женщина средних лет с грубым квадратным деревянным подносом в руках вошла в комнату, затем, повернувшись к девочке, стоявшей около нее с тяжелой хлопковой занавеской, сказала: «А-Мэй, положи занавеску, снаружи прохладно».

Юй Цайлин поспешила прийти в себя, сев прямо (в действительности же просто став на колени). Женщина поставила квадратный поднос на столик, на нем стояли: одна большая и две маленьких керамических чашки. В большей из них был налит горячий отвар из лекарственных трав, в маленьких лежали три засахаренных фрукта. Юй Цайлин подняла керамическую чашку и молча выпила, в тот же момент горький и терпкий вкус заполнил весь ее рот, и если сравнивать его с чем-то, то неприятный вкус был как жидкий дихлофос, хотя, конечно, она никогда не пила дихлофос.

Только после этого она взяла засахаренные фрукты и не спеша откусывала от них кусочки, одновременно посматривая на сидевшую напротив нее замужнюю женщину. Эта женщина представилась Юй Цайлин сама как Чжу*. Юй Цайлин не привыкла окликать людей по одному слогу, потому-то ей и пришла в голову хозяйка универсальной многопрофильной парикмахерской** в ее городке, которая, болтая, вызывала подобными именами своих девочек-содержанок, когда еще она не знала местных обычаев, и на беду не разбиралась в нравах этой местности, не позволяя себе беспричинно кричать на них. Третьего дня, девушка слушала А-Мэй, рассказывающую, как у некого соседа служил мальчик, начавший болтать чепуху после ночного кошмара, пострадав таким образом от колдуна, подлившего в кувшин заговоренный кипяток, и вследствие этого мальчик чуть не лишился половины жизни, вот поэтому ей и оставалось только туманно изъясняться. Но она не могла себе это представить, впоследствии же узнала, что все окликают супругу Чжу как Чжу, и этого было достаточно.

*𠄎 - zhù, также этим иероглифом в китайском фольклоре принято называть Рами - японскую горную ведьму, отличающуюся большим ртом от уха до уха и длинными черными волосами, покрывавшими все ее тело.

**𠄎𠄎 - fàláng парикмахерская, еще так на жаргоне называют интим-салон.

Лицо Чжу было квадратной формы, тело мощным, а манеры строгими и почтительными. Она была одета в грязно-белое льняное короткое платье, шэньи*, наверное, ради того, чтобы было удобнее работать, и штаны, видневшиеся ниже колен из прочной хлопчатобумажной ткани в отличие от ее собственных, несмотря на то, что они были не шелковые, также были очень удобными. Шэньи же было затянуто на талии, по длине достигая щиколоток. Что же касается стоящей рядом десятилетней девочки, то одета А-Мэй была еще проще, основной одеждой у нее был короткий хлопчатобумажный ватник, обнажающий ватные же штаны из толстой узорчатой ткани, - удовлетворительные одежды для служанки, ежедневно бегающей куда глаза глядят.

*[] shēnyī - сочетание верхней и нательной одежды в виде сшитых вместе халата с глубоким запахом и нижней юбки.

Недавно, больше десяти дней назад, Юй Цайлин лежала на матрасе, полусонная и с немного помутившимся сознанием, а ее веки будто весили тысячи фунтов, и в какой-то момент она услышала бранящийся пронзительный женский голос:

-...ты - бездарная тупая женщина, госпожа* нашей семьи дала тебе это поручение, а ты, оказывается, доселе была небрежна! Если случится беда с княжной, в будущем ты и вся твоя семья будете скормлены собакам, если не управишься!

А затем некто легким и мягким женским голосом ответил:

- Этого ничтожного человека заставили не обращать внимания на нее независимо от того, бранит она этого человека или нет, даже пусть разбивает и портит все вокруг; совершив ошибку, она здесь подвергается наказанию, и нужно сначала умирить характер, а затем вернуться к вопросу ещё раз. Кто бы знал, что она будет гореть, не вставая с постели?..

Пронзительный женский голос ответил:

- Дрянь, как бы она ни была не права, но княжна тоже дочь главы семьи! Докатились! Чего ты достигла своей невнимательностью?!

*[] nǚjūn - госпожа, обращение наложницы к главной жене в семье.

...Юй Цайлин, будучи в полусне, крепко заснула, лишь замечая, как некто поил ее отварами лекарственных трав. В то время ее воля к жизни была очень сильна, и она, с усилием глотая, сквозь сон снова услышала тот пронзительный женский голос, говоривший с усмешкой:

-Я признаюсь по секрету тебе - это щекотливая проблема. Бесполезно говорить ныне, что будет легко или тяжело, если недуг завершится таким образом, без выздоровления. Нет никого, кто бы был готов нести ответственность, а если и ты потерпишь неудачу в этом, и последние несколько дней меня умоляют непрерывно...

Вслед за тем послышался ласковый, но плавный голос Чжу, она сказала со смехом:

-Княжна не так уж и больна, все может сложиться неплохо, это хорошая служба, хотя сейчас и не моя очередь. Я только лишь надеюсь, что глава семьи будет помнить обо мне хорошее, и ожидаю в будущем для моей семьи, А-Мэй и А-Ляна, путь без преград.

А затем послышалось дребезжание медных монет, и тот, пронзительный, голос с удовлетворением произнес:

-Тоже вполне годится, раз уж приняла порученное дело, то как следует выполняй его, - после чего ушла.

У Юй Цайлин по логике был почти высший балл среди одноклассников, даже если у нее сейчас сильная лихорадка, она вполне способна к умозаключениям. Само это тело, должно быть, принадлежит молодой барышне из знатной семьи прошлой эпохи, совершившей некий проступок, и в настоящий момент она находилась в деревне, отбывая наказание. Человек, который раньше ухаживал за ней, не выполнил свою работу, из-за чего маленькая барышня заболела и умерла от высокой температуры, она же как-то оказалась здесь.

Когда Юй Цайлин посредством своих весьма неглубоких познаний древности хотела опознать эпоху, в которую ее занесло, и лишь желала, чтобы ее тело носило косы и одежду маньчжурской династии либо одеяние с обнаженной грудью эпохи Тан, она совершенно не обращала внимания на то, была ли она выдана замуж за главу евнухов, или простудилась ли зимой, промокнув по дороге! К сожалению, она не знала, когда носили подобные шэньи. Юй Цайлин была удручена три дня и только, когда на четвертый день, поправив здоровье, вместе с А-Мэй она отправилась смотреть на путь невесты и провожать новобрачную до мужнего дома, только тогда девушка неожиданно воодушевилась. Разумеется, А-Мэй вовсе не разобралась, почему княжна, постоянно безрадостная, безо всякой причины и повода стала весела.

Чжу также присматривала за Юй Цайлин, ради выздоровления которой лекари тратили много лекарственного сырья, делая подобные выпитому, горькие и терпкие целебные отвары, и все сделанное приходилось принимать внутрь самостоятельно; она нахмурила брови. Маленькая княжна за исключением первого раза, когда она все выплюнула, раз за разом глотала все залпом, по возможности поднимая голову, не жалуясь на трудности, скрепя сердце и сжав губы с весьма упрямым и решительным выражением лица. В свою очередь, принимая в расчёт упрямое молчание, а она не ожидала, что эта маленькая госпожа настолько молчалива, исключая пару слов, сказанных А-Мэй, ведь зачастую весь день напролёт княжна была подавлена и не говорила ни одного слова. Все это слишком отличалось от нее прежней, и Чжу была немного озадачена этим.

После того, как лекарственный отвар был выпит, круглолицая А-Мэй, прильнув к Юй Цайлин сбоку, с хитринкой начала разговор:

-Княжна, сегодня тепло снаружи, мы с вами можем пойти и погулять, - Юй Цайлин надоело сидеть на коленях, и она согласилась, кивнув головой.

Чжу сказала со смехом:

-Хорошо прогрейтесь на солнышке, только сегодня нет охраны, и вам не разрешается далеко уходить. Позовите А-Ляна, пусть пойдет вместе с вами.

Юй Цайлин с удивлением посмотрела на Чжу, та была неразговорчива по натуре, однако сегодня не только много говорила, но и кроме того неожиданно разрешила ей без сопровождения взрослых мужчин выйти из дома, пойти прогуляться.

А-Мэй, одеваясь, скорчила матери гримасу, поспешно прислуживая Юй Цайлин, надела ватные туфли с задранными носками на толстой подошве, только после этого завернула ее в толстый плащ, и две девочки, держась за руки, радостно вышли гулять.

Выйдя из дома, Юй Цайлин глубоко и продолжительно вдохнула, встречная волна ледяного воздуха выветрила из нее до конца дым от древесного угля и сейчас наполняла ее целиком свежим пронзительным и холодным ароматом. Подняв голову и смотря вдаль на небо над северной сельской местностью, она признала, что заучиваемые наизусть на уроках в начальной школе строки о синем небе и белых облаках не являются ложью, и смотря на высокий-превысокий и широкий-преширокий небосклон, неосквернённый, похожий на хрустально-прозрачную ледяную воду, Юй Цайлин ощутила спокойствие.

Повернув голову назад, она взглянула на этот дворик, широкую изгородь окаймлявшую дом кругом; несмотря на то, что этот маленький домик был в сельской местности, возвышавшиеся крыши всех трех домов были широкими, высокими и обширными, не было мрачности и темноты в их атмосфере, настолько высокие и просторные были дома внутри, и все это совсем не походило на облик домов в Японии.

Юй Цайлин, испытывая удовлетворение, покивала в знак согласия, одновременно потянула маленькую А-Мэй, попутно ведя за собой семи-восьмилетнего бегущего вприпрыжку мальчика, намеревавшегося выбежать из усадьбы, однако увидела издали двух летящих во весь опор всадников, легко одетых, в сопровождении бурно вздымавшегося снега и мелкой пыли, остроглазая А-Мэй внезапно сказала:

-Это батюшка... Да еще в придачу старший братец.

И сейчас же во все горло завопила, тряся руками:

-Батюшка! Старший братец!

Оба всадника, достигнув ворот, ведущих во двор, остановились перед входом. Натянув поводья и ворочаясь, с лошади спустился мужчина средних лет, явно главный, который, с первого взгляда заметив Юй Цайлин, сразу же поприветствовал ее сложенными руками на уровне груди, склонил голову в малом поклоне и с улыбкой сказал:

-Княжна.

Стоящий позади него молодой всадник семнадцати-восемнадцати лет, следуя примеру, сделал такой же малый поклон.

Юй Цайлин кивнула головой и, подняв лицо, с улыбкой сказала:

-Фу И вернулся.

Мужчина также поднял усатое лицо и приветливо сказал со смехом:

-Княжна вышла прогуляться. Только что я видел впереди, как в водном храме приносят жертву духу речки, пойдите тоже посмотрите, - оглянувшись назад на сына, сказал ему: - Дэн, ты еще не вошел в дом, отправляйся вместе с ними.

Молодой человек шепотом ответил:

-Точно так.

А затем развязав поводья, вручил их отцу, и, следуя за Юй Цайлин все вместе, топча и скрипя по тонкому снежному покрову, они покинули двор.

Этот Фу И был мужем супруги Чжу. Юй Цайлин слышала, как предыдущие два охранника называли его Фу И и главой Фу, вслед за ними также его так назвала, откуда было знать ей, что Фу И испугается, и никак, хоть умри, не будет соглашаться отзываться на подобное приветствие. Когда в первую их встречу она, наблюдая за ним и супругой Чжу, по задушевной манере поведения решила, что супруга Чжу является его любовницей, и весьма любившая сплетничать о подобном ранее, хотела и здесь полюбопытствовать – кто же знал, что согласно законам в семье, та была законной супругой.

Выйдя из двора и держа курс на запад, они шли уже приблизительно десять с небольшим минут, как вдруг слышались звуки горного потока и шум людских голосов. Впереди внезапно возникла полоса шириной около десяти метров, собственно и далеко ходить не нужно было. Горный поток такой прозрачный, что было видно дно, с отмелью не более полуметра, и глубиной около трех-четырех метров, хоть и был лишь ручьем, однако очень богатым речными дарами: во все времена года здесь водились рыба и креветки, что весьма помогало сельским жителям с их промыслом. По этой причине на берегу, недалеко от верховья реки, три почтенных сельских старца, возглавлявшие все местное население, возвели вместе со всеми присутствующими крохотную молельню божеству, поклоняясь духам горного леса и горного потока, желая, чтобы божества взяли их под защиту, даруя побольше рыбы и креветок, фруктов и овощей.

Увидев молельню около воды, чуть в стороне и впереди от них, А-Мэй сразу сильно потянула Юй Цайлин за рукав и бросилась внутрь, вынув две деньги в пять чжу*, и около входа купила у местной старой шаманки одну бамбуковую трубку для воскурения, ещё купила у девушки, зазывающей покупателей, корзинку с фруктами для почтения памяти покойных. Юй Цайлин не смогла определить, что это за фрукты. Однако та девушка, глядя украдкой на Фу Дэна, имеющего природное изящество и красоту, бросила ему мандарин и расплылась в улыбке; щеки Фу Дэна покраснели в цвет фрукта. Зато А-Мэй сказала со смехом:

-Мой старший братец скоро обручится!

Юй Цайлин, подшучивая, спросила:

-Раз уж он тебе нравится, почему всё ещё берёшь плату за наши фрукты?

Та девушка живо ответила:

-Пусть он и красив и элегантен, но моей семье все еще нужно что-то кушать.

Все селяне вокруг с Юй Цайлин в придачу расхохотались.

*□□□ wǔzhūqián деньги в пять чжу – “у чжу”, металлические деньги, имевшие хождение в 140—85 гг. до н. э.

Как было сказано ранее, молельня божества, в свою очередь, представляла большой дом,

состоящий из двух средних комнат, расположенных друг за другом. Сельские жители встречали Юй Цайлин и тех, кто был с ней сейчас, уже несколько раз, но им было известно лишь то, что она являлась княжной в богатом семействе в окрестностях, и один за другим они уступали ей дорогу, позволяя войти. Передняя комната этого дома наполнилась клубами дыма – здесь курился фимиам, и было только видно, что на высокой платформе стояло несколько статуй божеств с фантастическим злым обликом, Гуаньинь не походила на Гуаньинь, и Иисус не походил на Иисуса. Несколько луж крови все еще были разбрызганы у ног статуи, сбоку находилась весьма крупная деревянная лохань, наполненная тремя-пятью штуками высоко ценимой домашней птицей, категорически не желавшей умирать и брыкавшей лапками, Юй Цайлин, однако, в который раз покачала головой. Сейчас статуи божеств создавали такими страшными, а способ жертвоприношений предкам был примитивен и грубоват: разрешая верующим вход, поклоняться дозволялось с самоотверженными чувствами, вынув деньги и душу. Она страстно желала обучить нескольких шаманов, чтобы они сделали некоторое количество статуй божеств для почитания с добрым выражением лица, затем ставили им цветы и выпускали около них золотых рыбок, поставив чтецов нараспев декламировать стихи – пусть делают вид, что читают сутры, и можно поручиться, что успех этого мероприятия распространится на всю страну четырёх морей, богатства приумножатся и будут прибывать по водным путям и каналам.

Да вот – это явно только ее, единственного человека, точка зрения, было заметно, что окружающим ее женщинам и детям от мала до велика было очень удобно, каждый порознь либо благоговейно преклонил колени и бил челом, либо стоял в торжественном молчании, молитвенно сложив руки и бормоча себе под нос, А-Мэй немедленно вручила ей несколько курительных свечей в руки и, ведя за собой, подошла к соломенной циновке, где она преклонила колени.

Юй Цайлин тяжело вздохнула, в своей предыдущей жизни она делала байбай* в последний раз, когда лазила по горам со своими тремя соседками по комнате. Тогда четыре девушки весьма набожно преклонили колени под образами троицы даосизма, посылая им свои сообщения. Короткое сообщение, типичная смска, – это младшая сестра творила молитву о том, чтобы на этот раз она смогла бы сдать хорошо сессию и потом получать полную стипендию; старшая сестрица целым блогом взывала о своей тайной любви к красавчику из параллельного класса, чтобы тот срочно и безотлагательно расстался со своей любимой девушкой, после чего полюбил ее с первого взгляда; у другой QQ** была пропитана надеждой – быть в состоянии получить заранее, при благоприятной возможности, стажировку в корпорации NZND; ее же просьба была о том, чтобы ее одиннадцатистраничное прошение о вступлении в партию, написанное как раз третьего дня, было способно, как говорит дядюшка с материнской стороны, соответствовать стандарту, и если она вступит, то он приобретет ей ноутбук (ее просьба напоминала тетрадь).

* 叩拜 bāibai – ритуал поклонения алтарю со статуями божеств или табличек предков.

** 微信 QQ – самый популярный мессенджер в КНР.

Многokrатно помолившись перед троицей даосизма, четверо человек хором пропели Аммидоуфу*, затем радостно покинули залу и отправились развлекаться, пройдя мимо стоящей сбоку на коленях старушки с весьма причудливым выражением лица.

*на самом деле это омофония Амитабха. Омофония – это слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному и имеют разное значение. Амитабха (или Амита́ Будда один из Будд махаяны) особенно почитается в буддийской школе «Чистой земли» (амидаизм).

Юй Цайлин в дальнейшем, отвесив поклоны, поставила ароматные палочки, не сдерживая восхищения, легко вздохнула. С этой точки зрения, в тот раз байбай всё-таки сработал очень эффективно. В своей предыдущей жизни она героически погибла, а если бы не умерла, то возможно без конца бы вступала в партию. Ей не было известно, воплотили ли свои мечты ее три соседки по комнате или нет. Юй Цайлин глубоко ненавидела свое невезение и потерю того, что уже было в ее руках, поэтому сурово отвергла призыв А-Мэй идти во внутреннее помещение для того, чтобы послушать как шаман – образованный человек, разъясняет новые комментарии к Книге предсказаний.

В прошлый раз, когда она виделась с этим шаманом, он кроме того, что обдурил ее, Юй Цайлин, заставив каким-то дьявольским наваждением творить колдовство, чтобы оно ушло навсегда, ведь, пожалуй, он также слышал слухи о ней, как старшие велели изгнать из своего рода эту молодую барышню. Фу, принимать ее за глупенькую. Если даже допустить, что она богата, лучше уж она будет подражать своему папочке – скупому богачу-нуворишу, чем идти выручать кого-то от тягот пути, и незачем ей расходовать себя на шарлатанов, зато можно выручить кого-то от мирской суеты или быть способной создать гармоничное общество, жертвуя что-либо.

– Все говорят, что тот человек во второй комнате – шаман и образованный человек – в самом деле обладает чудотворной силой, – сказала А-Мэй, снова потянув Юй Цайлин за рукав. Юй Цайлин же ответила ей с каменным лицом: – Действительно в такой степени потрясающий, и знатные и высокопоставленные лица раньше приглашали его, почему же он все еще в этом скромном жилище?

Фактически же после, когда коммерция ее скупого отца пошла ввысь, он тоже начал верить в этих божеств. Главное – найти в них настоящих, чтобы не водрузить кадку с кадильницей не туда или ошибочно не отвешивать поклоны не тому божеству.

– Трудно сказать, матушка рассказывала нам в свое время, гадающий по чертам лица святой Янь не согласился на предложение Его Императорского Величества служить чиновником, теперь вдали от мира живет в сельской местности, набрасывая на плечи меховую одежду и обычно удит рыбу, – проявила значительную осведомленность А-Мэй.

Фу Дэн недовольно сказал:

– Тот Святой Янь изначально был наставником в изучении канонических книг, несколько десятилетий назад он был высококлассным ученым, в свободное время он занимался гаданием по лицу, разъясняя по гадательным книгам и не более этого, в конце концов, он не специально стал шаманом.

А-Мэй только и оставалось, с кислым выражением лица согласиться выйти и пойти на берег реки поиграть, маленький А-Лян весьма обрадовался этому, Юй Цайлин вышла из храма

предков, ведя за собой старшую сестру и младшего брата к берегу горного ручья.

На берегу горного ручья и впрямь собрались все мальчики и юноши, хохоча, они шумно играли; тогда народные нравы и обычаи были просты и незамысловаты, забавой детей в высшей степени было взять плоский камешек и пустить его по водной глади, обуздывая пронизывающий до костей холод горного потока, шарить в нем ради нескольких глупых крабов и креветок, однако самым экстравагантным было войти в сандалиях на деревянной подошве, высоких и самодельных, в горный поток и, топая по воде, подбегать и убегать, играя. Наблюдая за тем как старшая сестра и младший брат - А-Мэй и А-Лян - забавляются на берегу, Юй Цайлин отошла на несколько шагов, и оглядевшись по сторонам, в одном месте нашла сохший на солнце теплый большой камень, подойдя к нему, она села в непринужденной позе, Фу Дэн в тишине последовал и пристроился сбоку, ничего не говоря.

Юй Цайлин мгновенно окинула его взглядом, по своей природе Чжу была человеком сдержанным, и если нет важного дела она могла бы обходиться вообще без слов или одной фразой, из ее троих детей, пожалуй, только Фу Дэн был похожим на нее. Другими словами, из-за их сдержанности ей самой было чрезвычайно сложно выяснить свое положение, ведь А-Мэй и А-Лян были слишком маленькими и могли ответить не то, что спросили, к тому же знание произошедших событий скрепит уста не хуже, чем тростник тыкву, и много спрашивая, следует опасаться встревожить ими матушку Чжу.

Это было весьма суеверное общество. Появившись здесь, Юй Цайлин потребовалось всего несколько дней, чтобы это заметить.

Когда болезнь прошла, Чжу пригласила двух шаманов совершить благодарственное жертвоприношение с небольшими песнями и плясками; построив новую кухню на дворе, Чжу к тому же умертвила козленка и принесла в жертву богу Очага множество тарелочек с фруктами; даже третьего дня был сильный снегопад и Чжу с совершенно серьезным выражением лица принесла в жертву пару кувшинов с зимним вином, и неизвестно была ли это просьба, чтобы снег скорее прекратился или всё же, чтобы пошел быстрее; вчера солнце хорошо припекало, на земле снежный покров постепенно таял и легко было собирать съедобные грибы и дикие съедобные растения, Чжу опять обрадовалась и умертвила пару живых куриц и уток. Хотя Юй Цайлин по сей день всё ещё никогда не видела, как человек приносит в жертву животных, но и не решалась легкомысленно расспрашивать, а самое плачевное было то, что она до настоящего времени все еще не знала имени этого тела и не представляла как это узнать.

С берега донеслись звуки хохота и криков надрывающейся А-Мэй, было похоже, что какой-то мальчик третировал А-Ляна, А-Мэй же подняла с густой травы кусок подтаявшей льдинки, запихивая мальчику за шиворот и спуская на нем гнев за собственного младшего брата, мальчик же отпрыгивал и был похож в этом на креветку, все дети хохотали.

Юй Цайлин тоже улыбнулась, на самом же деле она была чрезвычайно благодарна семье Чжу.

Около десяти дней назад, она пусть и была в полузабытьи, но уловила, что окружающая ее обстановка была ужасна: под ее рукой ощущалась грубая доска и тонкий слой хлопковой ткани с ватой, кругом в комнате было влажно, темно и холодно, зловонный запах оседал в воздухе,

расстилаясь целым облаком. Однако с тех пор, как пришла Чжу, ее белье и постельные принадлежности все целиком сменили на плотный качественный материал, под которым ей было тепло. С помощью нескольких селянок супруга Чжу с трудом, общими усилиями, перевезла и установила большую печь, чтобы обогреть все вокруг, так целые комнаты были согреты огнем печи. Затем неоднократно прибирая комнаты, Чжу сверх того зажигала связку полыни и комната за комнатой, цунь* за цунем окуривала каждое помещение в доме, внимательно осматривая, опасаясь лишь, что всё-таки где-то остались мелкие насекомые; после чего сложив в очаг дрова, каждый день варила лекарство, жарила мясо, чтобы подкормить Юй Цайлин. Таким образом, ее состояние улучшалось, Чжу, однако, выглядела утомленной и похудевшей, будто отбывала срок в тюрьме.

*□ cùn цунь - мера длины в Китае примерно равна 1 дюйму.

Вот только нелегко оправиться от болезни, которая стоила человеку жизни, в особенности же если древняя медицина находилась на довольно низком уровне. Даже когда Юй Цайлин была в хорошем настроении, но всё же время от времени ощущала слабость, и от этого быстро ходить была еще не в состоянии, и оставалось ей только и бродить потихоньку. Ради того, чтобы она была в хорошем настроении, Чжу разыскала пару быков с тележкой и попросила ее двух охранников отвезти ее с А-Мэй на прогулку, посмотреть сельскую местность.

Пусть Юй Цайлин и не была знатоком правил прошлых эпох, однако безусловно понимала, что в резиденции богатого семейства к пожилой служанке должны применять более высокий ранг, однако, как же Чжу такая суровая и беспристрастная, кропотливая и неординарная женщина оставалась по прежнему в сельской местности, и в этом определенно было что-то неправильное.

Воспринимая происходящее философски, человеку во всяком случае прежде нужно продолжить жить, а тогда уже будет возможность задумываться как хорошо ее устроить, ведь живя на чужбине, часто испытываешь одиночество, душевную пустоту и равнодушие. Юй Цайлин по своим задаткам после всего произошедшего не могла быть эгоистичной. Ее сентиментальные клетки были подобны вымирающему виду, ныне выживая в обстановке неведения, не следовало иметь свободное время для печали, в основном вызванной сменой времен года и пейзажа.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2598815>